

УДК: 801.0010

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ В ГЕРМАНСКОЙ
И СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И
БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

И.С. Криштон

*Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой профессиональной иноязычной подготовки
e-mail: inessa_top@mail.ru*

Барановичский государственный университет

Т.В. Морозкина

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков
e-mail: tatyana_morozkin@mail.ru*

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Данная статья нацелена на исследование одного из самых актуальных вопросов межкультурной коммуникации и современной лингвистики – функционирование концепта в разносистемных языках. На речевом материале английского, немецкого, русского и белорусского языков декодируются концепты атрибутов и наименований в контексте национальных праздников с точки зрения культурной и языковой картины мира. При этом проблема декодирования смысла значения в межкультурном взаимодействии исследуется как в фокусе лингвистики в традиционном понимании, так и с учётом активизации когнитивных способностей индивида: восприятия, отражения, понимания.

***Ключевые слова:** культура, язык, культурная картина мира, языковая картина мира, концепт, языковое сознание, интеркультурное пространство.*

Введение.

В современной лингвистике понятие «**концепт**» является одним из востребованных для описания языковых явлений. Оно широко применяется в различных областях науки о языке: лингвокультурологии, семиотике, социолингвистике, когнитивистике, этнолингвистике. Однако функциональный потенциал концепта в прикладном аспекте варьируется в зависимости от типа лингвокультуры. Ввиду различий семиотической матрицы концептов в различных культурах очевидной становится проблематика интерпретации лингвокультурных явлений в разносистемных языках.

Цель данной работы – на речевом материале четырех лингвокультур (английской, немецкой, белорусской и русской) установить их релевантность, а также национально-культурную специфику в разрезе

тематического блока «Праздники». Использование полилингвальной модели анализа концепта, предполагающей сопоставление концепта одного языка с его эквивалентом / аналогом в другом, позволяет выявить ту самую лингвокультурную специфику, которая и составляет своеобразную и неповторимую национальную картину мира. Соответственно, основными методами исследования выступили сопоставительный анализ и логическая интерпретация.

Исследование концептов в межкультурной коммуникации основано на фоновых знаниях о языке и культуре, на понимании сходств и различий собственной культуры и культуры изучаемого языка. При этом тезис Н. Росса о том, что содержание концепта является ключом к пониманию культуры [Ross, Tidwell 2010: 133], является направляющим вектором в исследовании концепта в аспекте межкультурной коммуникации при панорамной проекции различных типов лингвокультуры.

Для многомерного обзора концепта необходимо определить его терминологический статус. Учитывая его международную востребованность, важно помнить, что в каждом национальном научном обществе концепт понимается по-разному, и, соответственно, обладает разнокультурным толкованием. Например, в латыни слово «*conceptus*» употребляется в значении ‘зачатый/ зачинать’. В английском языке «*concept*» может использоваться как ‘понятие’. Во французском языке под «концептом» понимают то, что получает организацию в результате дискурсивной деятельности. А в русском языке, по утверждению В.З. Демьянкова, термин «концепт», вошедший в употребление в 1920-х годах, вплоть до середины 1970-х годов чаще всего использовался как синоним термина «понятие». И лишь позднее обретает другое значение [Демьянков 2001: 3]. Соответственно, определенную сложность в изучении концепта создает смешение его с близкими по значению понятиями, что может способствовать формированию ложной картины. Более того, трудность изучения концепта обусловлена и размытостью его границ, которая усугубляется, если речь идет о различных типах лингвокультуры.

Поэтому важно обозначить взаимосвязь концепта с языком, сознанием и культурой, которую возможно сформулировать следующим образом:

1. Сознание – область пребывания концепта (концепт лежит в сознании);
2. Культура детерминирует концепт (т.е. концепт – ментальная проекция элементов культуры);
3. Язык и речь – сферы, в которых воплощается концепт.

Очевидно, сознание, отражающееся в речемыслительных актах говорящего субъекта, находит воплощение в языке. Восприятие и оценка реальной действительности осуществляется по принципу Р. Декарта «Я

мыслью, я существую» в сложной конфигурации когнитивного трафика от мысли к речи, окрашенной индивидуально-личностными параметрами индивида, его интеркультурным индексом, коммуникативно-прагматическими условиями межкультурного контакта. Иначе говоря, мысль пробивается через язык, при этом каждый акт говорения является творческим процессом. То есть язык культуры – это отражение ее мыслей [Попова, Стернин 1999: 155].

Расширяя границы исследования когнитивного аспекта взаимосвязи языка и мышления, Н.С. Шарафутдинова рассматривает основные функции языка в панорамном измерении. «Прежде всего, язык – орудие формирования актов сознания. Затем язык – это средство выражения действительности сознания, позволяющее «мое» сознание сделать доступным другим людям (а тем самым и мне самому). Далее язык – это условие и средство речевого моделирования актов работающего сознания. Тем самым язык позволяет контролировать деятельность сознания, сопоставляя его речевую модель с моделируемым явлением действительности» [Шарафутдинова 2012: 22].

Российский ученый Н.Н. Болдырев также указывает на тесную связь языковых значений и смыслов с концептуальной системой конкретного человека, которая, в свою очередь, определяет их содержание, поскольку языковое сознание не является отдельным, независимым модулем. Оно интегрировано в когнитивную систему человека и сопровождает разные виды его взаимодействия с миром, разные виды его деятельности [Болдырев 2016: 11].

Очевидно, что одной из важных когнитивных процедур является понимание – результат активизации сознания и перевода фактов действительности в речевой формат. Согласно лингвофилософской теории соотношения языка и мышления А.Т. Кривоносова, понимание – это переход кода языка к внутреннему коду интеллекта, где в качестве единиц содержания выступают не слова как единицы семантической структуры предложения, а понятия. Процесс понимания – это переход с материи языка на идеальный язык мозга [Кривоносов 2017: 196].

Материалы и методы.

Исходя из такого подхода, наиболее актуальным вопросом в исследовании концепта представляется способ передачи значения понятия со стороны говорящего и возможность восприятия и верного толкования смысла понятия слушающим, представителем другой лингвокультуры. При условии достаточного уровня межкультурной компетенции вполне достижим лингвокультурный баланс как основа понимания.

Отличие лингвокультурного концепта заключается в его ментальной природе [Карасик 2002: 78]. Область исследования концепта находится в фокусе языка и культуры. Вопросы функционирования языка и культуры

замыкаются на языковой личности как носителе основных ментальных процессов, осуществляемых за счет работы активности сознания. Таким образом, вполне очевидно, что когнитивное направление в исследовании концептов играет не менее важную роль.

Данное исследование было проведено на речевом материале в размере 170 лексических единиц в составе пословиц и поговорок английского, белорусского, немецкого и русского языков с использованием следующих методов: наблюдение, количественный анализ, дедукция, сопоставительный анализ, метод логической интерпретации.

Для более подробного изучения концепта перейдем к его структуре, в которой традиционно выделяют ядро и периферию. Ядро концепта обычно составляют более актуальные для носителей культуры феномены или ассоциации, менее актуальные формируют периферию. Поэтому можно сделать вывод о том, что концепт не может иметь определенных, четких границ. Речевая или языковая единица, которой обозначается центральная точка концепта, и служит его именем. В область периферии входят понятия, дополняющие центральное. Проиллюстрируем данное положение структурой англоязычного концепта *Christmas* (рисунок 1).

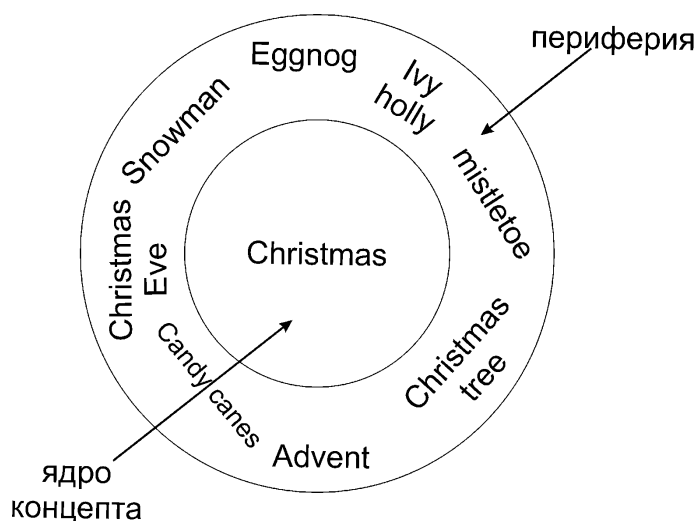

Рисунок 1. Структура англоязычного концепта *Christmas*

Также может быть определена внутренняя форма концепта, неосознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концепта [Heringer 2004: 45]. Согласно теории Л. Вайсгербера о сути и воздействии языка, внутренняя форма концепта согласуется с духовной стороной языка (*Zwischenwelt*), а это обстоятельство дает основание говорить о рефлексии в языке и культуре как средстве понимания [Вайсгербер 2004].

Однако с учетом лингвокультурного фактора в структуре концепта

могут выделены активный и пассивный слои: первый – это общенациональный концепт, а второй – это дополнительные признаки, которые актуальны только для отдельных групп носителей культуры.

Н.Н. Болдырев выделяет в структуре концепта следующие компоненты: общенациональные, групповые (принадлежащие определенной социальной, возрастной, профессиональной, половой и другим группам), региональные, или локализованные (отражающие специфику того или иного региона), и индивидуальные. Индивидуальными компонентами называют те характеристики, которые вкладывает в данный концепт каждый конкретный человек [Болдырев 2000: 30].

Например, обратимся к смысловой дефиниции русскоязычного понятия «*столовая*», существующего и в белорусской лингвокультуре как ‘сталовая’. «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова предлагает следующие толкования:

1. Комната в квартире с обеденным столом, в которой едят и пьют.
2. Место общественного питания [Ушаков 2012].

Во втором случае иностранцу не всегда просто подобрать эквивалент в родном языке, поскольку лексические варианты ни в немецком языке („*das Lokal*“ и „*die Gaststätte*“), ни в английском (“*dining-hall*” и “*canteen*”) не согласуются в полной мере по смыслу и назначению со столовой как пунктом питания, общепринятом в языковом сознании русскоговорящего индивида.

Результаты.

В ходе наблюдения становится очевидным, что важной является символика воплощения значения, поскольку человек воспринимает образы, интерпретирует их с позиции своего культурного базиса и переводит в вербальное русло с использованием речевых средств, свойственных именно его типу языкового сознания. В этом смысле раскрывается когнитивный аспект в исследовании концепта. Посредством языка вербализуются мысли человека, формируется ментальное отношение к различным феноменам, которые его окружают. Язык – это отображение концептуального образа мира, а культура является фоновым сопровождением. Данное утверждение может быть согласовано с основным тезисом концепции анализа межкультурного дискурса Н.К. Ивановой: язык, являясь одним из основных признаков нации, отражает культуру народа, который на нем говорит, т.е. национальную культуру, и предполагает отношение к нему не только как к коду и способу выражения мыслей, но и как к источнику сведений о национальной культуре народа – носителя языка [Иванова 2011: 3].

Рассуждая о вербализации лингвоконцепта в разносистемных языках, уместно было бы обратиться к суждению А.Н. Портнова о

корреляции между чувственными образами, закрепленными во внутренней форме слова, и словами [Портнов 1994: 297]. Вопрос А.Н. Портнова о соотношении выраженных посредством языка чувственных воображений с работой целостного механизма сознания с большой вероятностью может быть решен в плоскости лингвокультурного подхода к изучению концептов.

Соответственно, наибольший исследовательский интерес представляют так называемые ритуальные концепты, поскольку они отражают национально-культурную специфику на лексико-семантическом уровне. Например, семантическим наполнением концепта «*Рождество*» принято считать рождение Христа. Однако в английском языке лексическая единица «*Christmas*» произошла от словосочетания *Cristes Maesse* ‘месса Христу’, в котором акцентируется идея богослужения, сопряженного с таинством. При этом лексема немецкого языка „*Weihnachten*“ происходит от древненемецкого „*wihanacht*“ ‘*Святая ночь*’ и содержит темпоральный компонент, что указывает на разницу в лингвокультурном восприятии в процессе межкультурной рефлексии, иначе говоря, на неполное соответствие внутренней формы концептов.

Перейдем к атрибутам наиболее значимого праздника в рассматриваемых лингвокультурах. Так, Щелкунчик „*Der Nussknacker*“ является самым популярным сувениром на немецких рождественских ярмарках. Традиция дарить эту фигурку на Рождество появилась еще до П.И. Чайковского и Э.Т.А. Гофмана. Ещё одним важным элементом Рождества является Огненная дуга “*Lichterbogen*”, украшающая каждое окно дома преимущественно в горных регионах Германии. Первоначально дуга, унизанная светильниками, служила в домах горняков подставкой для шахтерских фонарей и означала, что все шахтеры, живущие в этом доме, вернулись из забоя. Форма дуги тоже не случайна: она напоминает вход в каменную пещеру «*Mundloch*» (дословно – раскрытый рот), при этом метафорическое выражение усиливает прагматический эффект.

В белорусской лингвокультуре Рождество в большей степени ассоциируется с периодом семейных и/или народных гуляний, которые называются «*Каляда*» (от белорусского «кола» – круг, символизирующий солнце). Однако лексическая единица имеет два варианта интерпретации: 1) название праздника; 2) собирательное название угощений, приготовленных для праздника из свинины (колбасы, сало, окорок и т.д.): “*Добрая ў цябе сёлета каляда*”. Отметим, что оба значения органично переплелись в поговорке: «*Ехала Каляда на ляду, рассыпала каляду*». Более того, в белорусской культуре Рождество, как и многие другие праздники, тесно связано с зоокодом: символическая смерть козы, одной из участниц “Каляд”, означает расставание со старым годом.

В немецкоязычной культуре большой интерес и своеобразие представляют **гастрономические** атрибуты Рождества: стоит выделить пряники круглой формы (*Lebkuchen, Pfefferkuchen*), впервые упомянутые в сказках братьев Гримм; глинтвейн (*der Glühwein*) – ароматный напиток из красного вина и специй с богатой историей, так называемое «пылающее вино» – *«glühende wein»*; известным гастрономическим атрибутом является штрудель *«Strudel»*, имеющий значение *«вихрь, воронка, водоворот»*. Семантика слова также определяется технологией приготовления – листовое тесто для его приготовления скручивается в рулет, внутрь которого и кладется начинка. Чаще всего под «классическим» понимается штрудель с яблоками *«Apfelstrudel»*.

Основным рождественским блюдом в русскоязычной и белорусской культурах является *«кутья»* – «варёное зерно» как символ вечной жизни. В некоторых регионах России синонимом кутьи выступает *«сочиво»* (в Беларуси – *«сочыва»*).

В Англии в качестве напоминания о том, что Бог создал Адама, существует рождественская традиция выпекать пряничных человечков (*Gingerbread men*). Также угощают родных и знакомых такими блюдами, как рождественский пудинг (*Christmas pudding*) и пирожками с начинкой из фруктов или иных продуктов (*mince pies*). Особо отметим, что традиция угощать лакомствами имеет давнюю историю: в XIII веке после возвращения из Святой земли путешественники одаривали своих родных, тем самым напоминая о подарках волхвов Иисусу.

Этимология ритуального концепта *«свадьба»* уводит к историческому варианту *«сватъба»*, берущему начало от лексемы «сват». Следовательно, русскоязычный лингвоконцепт *«свадьба»* означает «породнение». Происхождение же немецкого сложносоставного слова *„die Hochzeit“* (hohes Fest – высокий, большой праздник) синонимично *„die Blütezeit“*, что означает ‘время цветения’, ‘самое лучшее время’, т.е. вновь акцентуируется темпоральный компонент, составляющий ядро концепта. Интересно, что в белорусской лингвокультуре в большей степени находит выражение настроение, которое испытывают принимающие участие в свадебной церемонии, так как сам праздник именуется *«вяселлем»*: как правило, он сопровождается многочисленными шутками, песнями, играми. В английском языке существительное *‘wedding’* происходит от старонорвежских *‘vedja’* и *‘vedde’*, означающих «пари», «ставка», «заклад», что отсылает к идее свадьбы как преимущественно политического, экономического либо военного союза, основанного на клятве, поручительстве. К слову, это же значение сохраняет и немецкая лексическая единица *‘Wette’*. Таким образом, в четырех лингвокультурах рассматриваемый концепт имеет уникальные этно-психосоциодискурсивные свойства, национально-культурная специфика

которых проявляется в речевом воплощении и является определяющим в лингвокультурной идентичности.

Для подтверждения данного заключения обратимся к тезису В.А. Масловой и М.В. Пименовой о том, что культурный код, обеспечивающий взаимосвязь между знаком и значением, помогает постичь глубинные смыслы норм, ритуалов, традиций, символов [Маслова, Пименова 2016: 16]. Более того, культурные коды представляют собой сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает коды культуры, образует систему координат, которая содержит и задает определенные эталоны культуры [Красных 2003: 5-6].

Также важно отметить, что культурные коды являются результатом рефлексии индивида, представителя того или иного этноса. Например, в русской поговорке *«Отошла коту масленица»* сразу заключены два типа кодов: кот – зоологический, масленица – ритуальный. Смысл этого фразеологизма может быть понят, если адресат обладает достаточными культурными знаниями, иными словами, имеет представление о культурной картине мира. В таком случае становится ясным, что русский народный праздник Масленица имплицитно указывает на ущербную позицию кота – не будет сметаны и молока, так как впереди Великий пост.

В немецкоязычном аналоге рассматриваемой поговорки *„Nicht alle Katzen sind Karneval“* имеет место совпадение зоокода *Katzen* ‘кот’, однако культурное различие сосредоточено в лексеме *„Karneval“* ‘карнавальное шествие’, совершаемое в так называемый *Rosenmontag* ‘розовый понедельник’ в период *Faschingszeit* ‘время карнавала’, что является национально-культурным эквивалентом народных гуляний в русскую Масленицу.

В белорусской культуре статус кота несколько иной: он выступает в роли своеобразного индикатора благосостояния хозяев: *«На мазаны блін і кот па-другому глядзіць!»*.

Традиция репрезентации животных в лингвокультуре находит свое отражение и в празднике Пасхи. Так, пасхальный заяц *‘der Osterhase’* является его основным атрибутом в немецкой культуре. Упоминания о нем найдены в текстах, датированных XVI веком. В 1680 году вышел рассказ о кролике, откладывающем яйца и прячущем их в саду.

В Британии основными символами Пасхи являются пасхальные яйца *‘Easter eggs’* и кролики *‘Easter bunnies’*. Согласно английскому фольклору, кролики прячут яйца в траве и норах, поэтому важно в день пасхи «устроить охоту» и отыскать яйца. В некоторых регионах популярны битвы на яйцах, что сближает англоязычную культуру с белорусской.

Весьма любопытно происхождение английского названия праздника *Easter*. Несмотря на достаточно глубокий христианский контекст, лексическая единица образована от имени англо-саксонской языческой богини *Eostre*, знаменующей весну и плодородие. В Беларуси данный праздник известен как Великий день (Вялікдзень), потому что человек получает второй шанс благодаря жертве сына божьего.

Обсуждение результатов.

Результаты анализа речевого материала указывают на поливалентную смысловую структуру концепта. Так, ментальный фрейм заполняется слотами лексических единиц, в которых концепты закодированы образами животного и растительного мира, исторических культурных событий. Данные наблюдения позволяют прийти к выводу о том, что концепт – это отражение системного этнического мировосприятия.

Языковая картина мира отражает культурный код, является интеркультурным маркером в тексте, дискурсе, указывая при этом на межкультурные различия в ментальном поле собеседников. Язык передает культурную информацию, отражает активность сознания и способствует формированию национальной картины. О.А. Корнилов особым образом акцентирует функцию языка в контексте исследования национальных менталитетов и утверждает, что язык – этоместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества, которым можно пользоваться не только для конкретных нужд общения, сообщения и хранения информации, оформления логических операций, но и для того чтобы просто наслаждаться им, созерцать его богатство и неповторимость [Корнилов 2019: 133].

Заключение.

Таким образом, наблюдения лингвокультурного рассогласования в структуре некоторых концептов разносистемных языков проявляются не только в когнитивном аспекте, но и в герменевтическом: концепты воспринимаются и вербализуются сквозь призму сознания своего национально-культурного рефлексивного «Я» с одной стороны, и, с другой стороны, с учетом лингвокультурных особенностей. Поскольку язык и мышление взаимосвязаны, эти различия отмечаются на когнитивном, национально-культурном, а также на лексико-семантическом уровне в силу частичного соответствия сегмента внутренней формы концепта и особенностей культурной и языковой картины мира.

Библиографический список

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000. 123 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковых интерпретаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №4. С. 10-20.

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Едиториал УКСС, 2004. 232 с.

Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35-47.

Иванова Н.К., Мощева С.В. Интенциональный аспект рекламного дискурса: фонетическо-орфографические особенности: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2011. 182 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2019. 348 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 374 с.

Кривоносов А.Т. Слово и мысль. Москва – Нью-Йорк: Авторское издание, 2017. 548 с.

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 30 с.

Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования программы в философии XIX-XX веков. Иваново, 1994. 370 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка Ушакова. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/456690.html> (дата обращения: 05.02.2023).

Шарафутдинова Н.С. Теория и история лингвистической науки: учебник. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 346 с.

Heringer H.J. Interkulturelle Kommunikation. Tübingen: A. Francke Verlag, 2004. S. 90-95.

Ross N., Tidwell M. Concepts and culture // The Making of Human Concepts / Eds: D. Mareschal, P.C. Quinn, S. E.G. Lea. Oxford, 2010. P. 131–148.

References

Boldyrev N.N. Kognitivnaya semantika. Kurs lekcij po anglijskoj filologii. Tambov, 2000. 123 s.

Boldyrev N.N. Kognitivnye skhemy yazykovyh interpretacij // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2016. №4. S. 10-20.

Vajsgerber J.L. Rodnoj yazyk i formirovanie duha. Izd. 2-e ispr. i dop. M.: Editorial UKSS, 2004. 232 s.

Dem'yankov V.Z. Ponyatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom yazyke // Voprosy filologii. 2001. № 1. S. 35-47.

- Ivanova N.K., Moshcheva S.V. Intencional'nyj aspekt reklamnogo diskursa: foneticheskio-orfograficheskie osobennosti: monografiya. M.: RIOR: INFRA-M, 2011. 182 s.
- Karasik V.I. YAzykovoij krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002. 477 s.
- Kornilov O.A. YAzykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. M.: KDU, 2019. 348 s.
- Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhij»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 374 s.
- Krivososov A.T. Slovo i mysl'. Moskva – N'yu-Jork: Avtorskoe izdanie, 2017. 548 s.
- Maslova V.A., Pimenova M.V. Kody lingvokul'tury: ucheb. posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2016. 180 s.
- Popova Z.D., Sternin I.A. Ponyatie «koncept» v lingvisticheskijh issledovaniyah. Voronezh, 1999. 30 s.
- Portnov A.N. YAzyk i soznanie: osnovnye paradigmy issledovaniya programmy v filosofii XIX-XX vekov. Ivanovo, 1994. 370 s.
- Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka Ushakova. 2012 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/456690.html> (data obrashcheniya: 05.02.2023).
- SHarafutdinova N.S. Teoriya i istoriya lingvisticheskoi nauki: uchebnyk. Ul'yanovsk: UIGTU, 2012. 346 s.
- Heringer H.J. Interkulturelle Kommunikation. Tübingen: A. Francke Verlag, 2004. S. 90-95.
- Ross N., Tidwell M. Concepts and culture // The Making of Human Concepts / Eds: D. Mareschal, P.C. Quinn, S. E.G. Lea. Oxford, 2010. R. 131–148.